

Мамонов Александр Николаевич

РУССКАЯ ТЕМА И НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/12/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 12 (43). С. 35-37. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 1(091)

*Александр Николаевич Мамонов**Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург*РУССКАЯ ТЕМА И НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ В РОССИИ[©]

Рассчитывать на то, что авторы Древней Руси создали философски - богословские произведения с точки зрения философской парадигмы Запада, не приходится. По крайней мере, таковых до наших дней не дошло или они еще не найдены.

«В Древней Руси отсутствуют произведения, которые можно было бы зачислить в разряд чисто философской литературы. Вместе с тем, многочисленные мысли, и фрагменты философского содержания рассеяны в самых разнообразных по тематике и жанровой принадлежности сочинениях» [3, с. 12]. Уповать на то, что только в X веке, получившие письменность русские люди, выдадут внезапно на свет тексты, изобилующие глубокими рациональными и интеллектуальными логическими построениями, по меньшей мере, наивно. А вот постараться, поискав, найти тексты, претендующие на начало богословствования с попыткой проговаривания и осмысления наиболее важной и значимой действительности, в которых бы проглядывались философские признаки - возможно.

Обращаясь к классике литературного творчества древней Руси можно сказать, что первенствует в этом смысле над всеми остальными текстами «Слово о законе и благодати митрополита Иллариона».

«Выдающееся произведение ораторской прозы XI века - «Слово о Законе и Благодати». Оно было написано между 1037-1050 гг. Священником княжеской церкви в Берестове Илларионом, обладающим незаурядным умом, широкой образованностью и писательским талантом» [2, с. 74].

Учитывая особенности культуры Руси, ее способность впитывать и культивировать в себе ценности, взятые извне, неудивительно, что русская словесность быстро прошла путь от ученичества к уникальности. «Древнерусская литература - это литература формирующейся великорусской народности, постепенно складывающейся в нацию» [Там же, с. 4].

Уникальность «Слова о законе и благодати» состоит в том, что оно возникает в первое пятидесятилетие появления письменности в Киевской Руси и по времени первенствует над всеми остальными. «В конце X века Русь вместе с христианством получает письменность. В связи с этим кардинально изменяется тип культуры, которая становится религиозно - православной и книжной» [3, с. 12].

Текст написан митрополитом Илларионом в свете христианской риторики с целью силой харизматичной, христианской проповеди, воздействовать на чувства современников. Будучи первым русским митрополитом, избранным на собрании Епископов без руководства Византии он имеет намерение в своем повествовании сказать то, что помогло бы русским глубже понять сущность происходящих в их жизни процессов и придало бы целенаправленность и надежду их жизненным устремлениям.

«Слово о законе и благодати» это не просто риторически красноречивое произведение, восхваляющее князя Владимира, хотя это главная, но все же, небольшая часть произведения. Смысл этой похвалы становится для нас понятней, когда мы видим, как в начале своего произведения Илларион развивает тему о соотношении закона и благодати.

«Первая часть это - сопоставление Закона и Благодати - является пространством введением ко второй, центральной части - похвале Владимиру, завершающиеся авторским обращением к Владимиру» [2, с. 75]. Это одна из важных богословских тем со времен апостола Павла. Павел вел жесткую богословскую полемику с иудеями, призывающими первых христиан наряду с верой в спасение по благодати через Иисуса Христа еще исполнять и закон Ветхого Завета.

«Павел просто не мог относиться терпимо к подобной доктрине. Что же дополнить человеческими достижениями совершенное Христом, добавить дела человеческие к делу Христа? Не дай Бог! Дело Христа завершено; Его Евангелие - это Евангелие благодати. Спасение дается только благодатью, только через веру, без каких - либо дополнительных человеческих усилий или дел» [5, с. 22-23]. Такое начало дает возможность хвалебной риторике Иллариона соприкоснуться с богословием и делает ее глубже, заметнее, расширяет возможность воздействия на аудиторию.

После начальных размышлений о природе закона и благодати, открываемых Богом в Священном писании, Илларион во второй части произведения применяет эту тему к Русской действительности, где она звучит немного иначе. Автор «Слова» пытается проговорить дух эпохи того времени, той Руси, к которой он обращается. Илларион стремится показать, что Русь находится в поле Божьего видения, что благодать, сходящая от Господа, достигла пределов земли русской. Митрополит призывает народ русский увидеть сияние Благодати и Истины в сердце своем и вместе с другими христианами прославлять Святую Троицу.

«Ибо грядет время - и ныне уже настало, - когда не на горе этой, не в Иерусалиме, поклоняться Отцу в Духе и Истине, ибо Отец ищет таких, поклоняющихся Ему, то есть с Сыном и Святым Духом. Так оно и есть: по всей земле уже славится Святая Троица, и поклонение приемлет от всего живого» (1-е Петра 2:2). Такая манера повествования дает произведению выглядеть цельно, взаимосвязано, закончено.

Написанные Илларионом размышления о свободе и благодати на фоне фундаментального Европейского Богословия выглядят примитивно, легковесно, разбалансировано. Западноевропейское Богословие выкристаллизованное в теологических спорах, апологетических дискуссиях в защиту христианства, борьбе с постоянно возникающими ересями, утвержденное на Вселенских соборах, требует от человека специальной подготовки, глубоких познаний и долгого посвящения.

«Среди признаваемых основными христианскими конфессиями соборов - первые семь, имевшие место до начала реального разделения Западной и Восточной церквей; каждый из этих соборов стал вехой в истории христианской мысли, поставив или решив определенные доктринальные, идеологические или философско-богословские вопросы» [6, с. 56].

Рассуждения же о законе и благодати в «Слове» адресованы людям еще недостаточно духовно образованным или вообще в этом смысле невежественным. Содержание теологически бедно, по сути. Трудно понять, что же на самом деле такое благодать. Но уловить то, что благодать - это нечто, что дается как дар вопреки заслугам, достижениям и установленному порядку вещей, можно. Делает это автор через образы и сравнения, задевающие чувства людей, а не через интеллектуальные построения подводящих аудиторию к границам познания. Илларион тем самым желает предложить «чистое словесное молоко» (1-е Петра 2:2) Божьего откровения для государства, имеющего так мало не только образованных, а просто грамотных людей. Русь еще не готова принимать «твердую пищу» (Евр. 5:12) классического Богословия. Русь еще не имеет потенциала создавать фундаментальные богословско-философские труды.

«Греческая литература была философичнее, и все остальные, в том числе русская, ей в этом отношении уступали, но вместе с тем и подражали, в чем проявилось благотворное воздействие высокоразвитой эллинской цивилизации» (Евр. 5:12).

«Слово о законе и благодати» - это русская работа, созданная русским митрополитом для своего народа полвека назад получившего письменность.

Для нас эта работа интересна тем, что Илларион не сбивается на перечисление исторических фактов, сухо констатируя события идущих одно за другим, а говорит о смысле христианизации Руси и уходе от язычества. Говоря о свободе и благодати, Илларион делает упор не на критике евреев, а старается привлечь сознание людей к перспективе христианизации страны и возможностях, открывающихся перед народом, находящимся под благодатью Божьей. Хорошо чувствуя природную глубину характера русского народа, Илларион, будучи хорошим проповедником, представляет изливание благодати на Русь как милосердие Божие в действии. Показывает русскому населению Божье дело как практику Его провидения, когда иудеев Он миновал потому, что не приняли, а Русь незаслуженно любит, так как смирилась.

Проецируя свои мысли о Руси, Илларион старается быть искренним, правдивым. В его словах улавливается желание сказать всему окружающему миру от имени Русского государства, что русский народ понимает, что далеко не все еще хорошо. Так далеко до совершенства, еще так слабо, поверхностно христианство на Руси, но процесс освящения начался, он идет и развивается. Россия находится под благодатью Божьей и это заставляет ее бояться обидеть Бога. Русь имеет суд Божий в самой себе, в своей совести.

Митрополит считает, что Русь это особая реальность, Бог отметил ее своим присутствием ни за что, по благодати, когда Русь еще была языческой темной территорией. Илларион старается показать, что у Руси с Богом свои личные отношения. Он в восторженных тонах повествует о том, что Господь приготовил что-то лучшее для России. В этом смысле Илларион обозначает противостояние Руси западному миру. Западное христианство с уважением относилось к Ветхому Завету, считая Его детоводителем к Христу. Восточное христианство, к которому относится автор «Слова», придавало Ветхому завету меньшее значение. В свете рассуждений о библейском рассказе, о Саре и Агари, Илларион подчеркивает, что Бог по благодати спасает всех людей, имеющих веру и крестившихся, независимо от того, в какое время это произошло. Автор «Слова» убеждает русский народ иметь надежду спасения через веру в Иисуса, потому что эта надежда не постыжает. Илларион со свойственной ему хвалебной риторикой провозглашает, что Русь возвеличена Богом, она всегда была в планах Божьего провидения. Русь ждет прекрасное христианское будущее. «Слово о законе и благодати» позиционируется «первым известным нам памятником древнерусского торжественного красноречия» [4, с. 5].

Переходя в последней части «Слова» к прославлению князя Владимира, митрополит имеет цель показать его инструментом в руках Господних. Илларион возводит русских Царей в один ряд с остальными великими самодержцами управляющими миром.

Рассуждения митрополита Иллариона имеют в себе черты философичности. «Это возвышенный образец ораторской прозы, яркое творение ранней отечественной публицистики и вместе с тем глубокое историко-философское сочинение» (Евр. 5:12). Предметом философского размышления в его повествовании выступает не Бог, а поведение человека по отношению к Нему и родине. Говоря об этом, Илларион подразумевает, что Русь это не старая, ромейская христианская территория, а новая, молодая и развивающаяся. Только теперь Руси нужно пройти путь под благодатью Божьей. Илларион говорит о равенстве всех народов перед благодатью. Русскому же человеку необходимо понять, как стоит жить под Божьим водительством, чтобы получить спасение. Практика обычной христианской жизни, которую России еще предстоит наработать в этом нам стоит искать философию древней Руси. Умение защищать истину, бодрствовать, чтобы не грешить, любить Бога, любить Россию, все это сделает возможным, по мнению автора «Слова», занять Руси лидирующее место среди других народов, отличит ее от Запада, и наполнит ее существование определенным смыслом.

Митрополит Илларион патриот своей Родины. Его мысль движется в русле понимания, что русский народ принадлежит человечеству как часть единого целого. Синтезируя в своем произведении богословские истины с политическими устремлениями, Илларион придает тексту неповторимую уникальность. Впервые в древнерусской литературе прозвучало сравнение князя Владимира с императором Константином - это предварило появившуюся в будущем торию «Москва - Третий Рим».

Список литературы

1. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X-XVII веков: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
2. Кусков В. В. История древнерусской литературы: учеб. для филол. спец. вузов. 7-е изд. М.: Высш. шк., 2003. 336 с.
3. Маслин М. А. История русской философии: учеб. для вузов / редкол.: М. А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. 12 с.
4. Молдаван А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
5. Скотт Дж. Послание к Галатам / пер. с англ. СПб.: Мирт, 1995. 232 с.
6. Слово Древней Руси / сост., вступ. статья О. В. Гладковой. М.: Панорама, 2000. 496 с.
7. Шмонин Д. В. Введение в средневековую философию. Патристика: учебное пособие. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та; Изд-во Рус. христианск. гуманитар. академии, 2008. 145 с.

УДК 370.186

*София Ашотовна Мартиросян
Южный федеральный университет*

ПРЕСТИЖ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ®

Выдающемуся ученому двадцатого столетия Клоду Леви-Строссу принадлежат слова: «XXI век будет веком гуманитарных наук - или его не будет вовсе». Однако энтузиазм середины XX века сменился охлаждением, и сейчас в конец гуманитарного знания верится больше, чем в конец света.

Почему гуманитарное образование потеряло престиж, и как его вернуть? Как университетские реформы в России и мире повлияют на обучение гуманитарным специальностям? На эти и другие вопросы пытаются ответить многие ученые-профессора и все научное сообщество данного направления.

Изучение факторов выбора научной карьеры показало, что для многих ученых этот выбор вовсе не являлся следствием глубинных раздумий или осознания своего призвания. Почти в половине случаев он осуществлялся под значительным влиянием второстепенных факторов:

- не имеющих прямого отношения к существу будущей деятельности: советов родных и близких;
- подражания значимым другим;
- возможностей поступления в то или иное высшее учебное заведение и т.п.

Особенно это характерно для ученых-гуманитариев, которые чаще выбирают научную карьеру непосредственно перед окончанием института.

Большое значение имеют также ценность образования и престиж профессии ученого в глазах общества и семьи, из которой происходит ученый, стиль жизни и традиции последней в плане профессиональных занятий, а также школьная успеваемость. Хорошо успевающие дети потому, возможно, чаще выбирают карьеру ученого, что высокие оценки в школе в обыденном сознании ассоциируются с умственной одаренностью и высоким интеллектом, а последние - с возможностью и целесообразностью заниматься наукой.

Огромная роль в процессе становления ученого принадлежит его наставникам: формальному - научному руководителю и неформальному - коллеге, другу, просто известному ученому, который в силу своих личностных, профессиональных или иных особенностей становится для молодого ученого значимой фигурой, образцом для подражания.

Многими исследователями особое внимание уделялось изучению отношений с научным руководителем, воздействие которого на научную жизнь и деятельность ученика рассматривалось в двух аспектах.

1. Первый связан с влиянием статусно-ролевых характеристик руководителя на научную карьеру молодого ученого. Дж. Лонг с сотрудниками обнаружил, что известное имя, высокий статус и репутация руководителя в научном сообществе изначально дают его ученикам определенные выгоды: им легче устроиться на работу, опубликовать свои научные работы, их чаще и раньше начинают выбирать в различные научные организации и т.п. так называемый «накопленным преимуществом» [5, p. 255].

2. Второй аспект отражает влияние научного руководителя как авторитета, личностно значимого человека, носителя и передатчика так называемого «личностного» научного знания, а также образцов поведения в среде ученых. Это влияние напрямую затрагивает формирование ученого как личности, поскольку оно соотносимо с ценностным отношением к науке в целом и отдельным ее сторонам, таким, как научные теории, нормы и правила, отношения с людьми [Ibidem].